

Я коротко кивнул. Не было больше причин чувствовать себя виноватым, сближаясь с Шин Джэхеном. Я больше не был изгоем. Война между мной и Ёханом закончилась, и необходимость таиться отпала сама собой. Ради этой, такой зыбкой, безопасности я и пошёл на примирение.

Как ни странно, даже с такого расстояния Шин Джэхен заметил мой кивок. Он поднялся со своей привычной, легкой улыбкой. Я уже вытащил из кармана ключ, готовый вернуть его, когда он подойдёт. Жёлтый, потемневший от времени, зажатый между указательным и большим пальцами, он был до омерзения тёплым, как сиденье, с которого кто-то только что встал. Я взболтнул ключ в воздухе. Он извивался, как жук, пока рука Шин Джэхена не перехватила его на лету.

— Наконец-то я его забираю. Ты даже не представляешь, сколько проблем наделал, внезапно его забрав.

Разве он не дал его мне, чтобы я пользовался? Я растерянно моргнул, переводя взгляд с ключа на Шин Джэхена, который уже засовывал его в карман брюк.

— ...Забыл. Извини, что задержал.

— Всё нормально. Неприятность вышла случайно.

— Спасибо, что дал. Я ценю это.

Мою сухую благодарность Шин Джэхен пропустил мимо ушей, просто пожав плечами с тем же беззаботным видом. Трудно было сказать, отмахивался он или принимал её искренне. Выражение его лица говорило, что ему всё равно, но почему-то я продолжал сомневаться, искать подвох. Всё из-за Ёхана. Этот придурок заставил меня подозревать всех и вся, даже тех, кто, казалось бы, не заслуживал этого.

— Вы помирились, да?

— А?

— Со своим другом.

Шин Джэхен кивнул в сторону, куда ушёл Ёхан. «Ах...» — вырвалось у меня глуповато, по-идиотски.

— Ага. Вроде того.

— Хорошо. Тебе теперь будет немного легче жить.

— Легче жить?

— Я волновался, знаешь.

Легко почесав кончиком пальца грудь, словно смахивая невидимую пылинку, продолжил Шин Джэхен.

— Думал, может, случится что-то плохое.

Настолько? Услышав, что он причислил меня к тем, кто из какого-то дурацкого принципа «не дискриминировать» отказывается заводить друзей, у меня во рту появился кислый привкус. Было бы ложью сказать, что это меня не задело. «Не суди, и не судим будешь» - это всё, конечно, хорошо, но звучало это так, будто я какая-то жалостливая благотворительная акция.

— Мм-м. — Невнятный, застрявший в горле звук. Шин Джэхен, кажется, заметил перемену в моём настроении - неудивительно, услышать такое было не слишком приятно.

И тут он сделал кое-что. Протянул ко мне обе ладони, пустые и открытые. Даже этот простой жест дышал его «иностранный» отстранённостью. В нём всегда было что-то... иное. Какая-то американская расслабленность, смешанная с врождённой осторожностью.

— Но, знаешь, — добавил он, и на его лице промелькнула тень неуверенности, — всё вышло не совсем так, как я ожидал.

— Что именно?

— Есть... одно чувство, которое я не могу выразить словами...

С тихим «пф-ф» он выдохнул воздух, сложив губы трубочкой. И так же внезапно убрал руки, словно запечатывая рот.

— Забудь. Я, наверное, просто предвзят.

Предвзят. Это слово включило в моей голове сигнальную сирену. У меня есть привычка, когда что-то пахнет жареным, я бросаюсь на это, как голодный пёс на кость. Это защитный механизм, отточенный годами выживания. Иногда ты просто знаешь: нельзя упустить то, что проскочило между строк. В этом есть глубинный смысл. Такое чутьё возникает перед неприятностями.

И я сменил тактику, убрал из голоса металлические нотки, смягчил выражение лица, прикинулся дурачком. Я видел, как идиоты разводят людей на разговоры: притворная наивность сбивает защиту, усыпляет бдительность.

— Предвзят? В каком смысле? Давай, рассказывай.

Я подался вперёд, как дурак, который жаждет послушать сплетни. Так ведь идиоты и делают, правда? Те, кто на другом конце, обычно не могут удержаться и начинают болтать. Чёрт возьми, они сами этого хотят, им не терпится поделиться. Я ждал, глядя на него с наигранным нетерпением.

— Ну...

Губы Шин Джэхена приоткрылись, сквозь его обычную беззаботность пробилась трещина нерешительности. Мои глаза впились в них, ожидая. Но вместо сочного откровения...

— Забудь. Не бери в голову.

Моё тело, напряжённое в ожидании ответа, едва не дёрнулось вперёд, чуть не опрокинув стул. Чёрт возьми. Если не собирался говорить, зачем вообще заводить этот разговор?! Но я не собирался так просто это оставлять. Мне нужно было знать, особенно если это касалось меня. Иначе это будет сводить с ума, грызть изнутри.

— А-а-а, так это было что-то плохое обо мне? — я склонил голову набок, изображая полное безразличие, откидываясь на спинку стула. Мне это было нужно, но я играл в безразличие, будто мне всё равно. Приём, который я освоил, когда какой-нибудь идиот начинал травить истории, а потом вдруг замолкал, учуяв неладное.

— Ладно, хорошо. Не хочешь - не говори. Я всё равно не пойду ябедничать Ёхану.

Откровенная ложь, хорошо наживленная ловушка. Я подал это так, будто могу настучать Ёхану, если речь о чём-то скверном. Люди начинают паниковать, когда ты намекаешь, что их слова могут привести к неприятностям. Они начинают оправдываться, объяснять и обычно выкладывают всю правду, пытаясь обезопасить себя.

В этой школе этот приём работал безотказно. На первом курсе я провернул то же самое, но с именем Хан Джун У. И это сработало. Я ожидал того же от Шин Джэхена и сделал голос заговорщицким, почти шёпотом:

— Ты мне столько раз помогал. Я у тебя в долгу.

Затем я смягчил взгляд. Давай же. Просто скажи.

Но...

— Эй, — сказал он.

— А?

— Я попросил забыть не из-за Ёхана.

Лицо Шин Джэхена, всё ещё дружелюбное, вдруг стало... твёрдым. Это был не упрёк. Скорее, утверждение, ясное и определённое, словно он решал для себя что-то важное.

— Я знаю, что ты не из тех, кто бегаёт болтать.

— ...А. Ну да.

— Но, — добавил он, — это... не то, что я хотел бы, чтобы кто-то повторял. Ладно, мне пора.

— Что?

— Увидимся в классе.

— По-постой!

Моя рука взметнулась вверх, но поймала только воздух. Он уже ушёл. Его фигура растворилась в толпе так быстро, словно он и не стоял здесь минуту назад.

Я мог бы побежать за ним - он даже не торопился. Просто шёл, как чёртова газель, изображающая беззаботность перед хищником. Гордый и грациозный, словно вожак стада. Или тот, кто не хочет показывать, что убегает.

— ...Какого чёрта.

Звонок ещё не прозвенел. Что заставило его так резко сорваться с места?

Пока я размышлял об этом, что-то холодное коснулось моей щеки. Ледяной шок заставил меня дёрнуться всем телом, отбрасывая в сторону посторонние мысли.

— Ай, холодно!

— Напугал?

Я резко обернулся.

Го Ёхан.

Он стоял за моей спиной, наклонившись так близко, что я чувствовал запах клубничного мороженого, смешанный с его обычным мылом. Я инстинктивно отпрянул, уходя от прикосновения, но глаза мои метнулись туда, где исчез Шин Джэхен. Ёхан пришёл с той же стороны.

Видел ли он его?

Джэхен ушёл, потому что заметил приближающегося Ёхана?

Затем...

— Ай! Эй!

Острая боль пронзила ухо. Моя голова дёрнулась в сторону. Понадобилась секунда, чтобы осознать: Ёхан схватил меня за ухо и заставил повернуться. Его пальцы сжали мочку.

— Ты чего творишь?!

— Что?

— Что значит «что»? Зачем ты схватил меня за ухо?!

— А-а-а...

Го Ёхан игриво изогнул обе брови, строя из себя дурачка, но в глазах его плясали злые огоньки.

— Просто шучу.

— Шутишь?

Шутка, значит. Что ж, мне было не смешно. Такое чувство, будто меня отчитали как домашнюю зверушку, схватив за шкуру. Моё лицо, несомненно, горело, и он это заметил. Го Ёхан на секунду прикрыл рот пальцами, словно его смущала моя реакция, а затем опустил руку с показной решимостью.

— Давай проясним кое-что.

— Что?

— Мы не просто помирились.

Его губы, покрасневшие от этого чёртового клубничного мороженого, капризно выпятились. Его прищуренные глаза, полные какого-то упрёка, не отпускали меня. Его холодные пальцы всё ещё сжимали край моего уха, отказываясь отпустить. Было не больно, но унижение было невыносимым. Он продолжал тереть моё ухо, легонько щипая, его ледяные пальцы скользили по краю, пока я наконец не поднял руку и не схватил его за запястье. Только тогда он отпустил, его холодные пальцы неохотно соскользнули с моей мочки.

— Это я позволил тебе со мной помириться.

— Что?

Ёхан показал рукой между нами, его лицо исказилось в преувеличенно обиженную гримасу. Глаза его стали круглыми и влажными, как у нашкодившего щенка.

— Если бы я не решил пойти на примирение, ты бы ничего не смог сделать. Ты ведь это знаешь, да?

— ...

Я открыл рот, чтобы возразить, но тут же захлопнул его, когда он продолжил - потому что, чёрт возьми, он был прав. Как всегда прав в своей чудовищной, неоспоримой правоте.

— Знаешь, я заметил кое-что... Ты склонен забывать важные факты. На самом деле, чаще, чем нужно.

Эгоцентричное мировоззрение Го Ёхана было высшим хищником для моей так называемой рациональности. Его логика, если это можно так назвать, вращалась вокруг него самого. Весь мир был его сценой, а он её королём.

И это было больше всего - он был прав, и мне нечего было возразить. Я проиграл его абсурдной логике.

Видя, что я замолчал, Ёхан сложил ладони вместе, словно в молитве, и заговорил голосом, пропитанным притворным сочувствием:

— Не принимай близко к сердцу. То, что я терел твоё ухо ничего не значит. Без задней мысли. Ты же меня знаешь. Я всегда так дурачусь.

И на этот раз он не лгал. Го Ёхан всегда был хуже с другими, хватал их в захват, пока они не начинали задыхаться, или втягивал своих друзей в унижительные розыгрыши, используя их как реквизит в своих жестоких играх. По сравнению с этим, это? Просто ещё одна из его повседневных забав.

Я ничем не отличался, просто ещё одна фигурка в его наборе. Всё, что он делал, было игрой. А я был просто одной из его игрушек.

Ёхан развёл руки с лёгкой улыбкой.

— Значит, мы в порядке, да?

И ничего не изменилось. Я всё ещё был просто пешкой среднего уровня, плавающей в маленькой экосистеме Го Ёхана.

— ...Ага.

Да, так и есть.

Это была его сделка. В отличие от Хан Джун У, который процветал на доминировании и разрушении, Го Ёхан предпочитал переговоры, обменивая гордость на что-то большее. Он был чёртовски хорошим посредником. И чувствуя, как на моих губах расцветает горькая усмешка, я понял, что это было: он позволял мне сохранить гордость.

По крайней мере, на поверхности. Но только потому, что он хотел чего-то другого, чего-то более ценного. Он дал мне лицо, чтобы забрать душу.

Ёхан был прирождённым бизнесменом.

Я знал это с самого начала. Но какой у меня был выбор? Я мог выжить, только цепляясь за того, кто согласится меня держать, перелетая с места на место, как чёртова летучая мышь. Потому что для такого, как я, эта ловушка была слишком сладкой, чтобы сопротивляться.

С моим ответом Ёхан слегка соединил ладони и одарил меня сияющей улыбкой. На его бледном запястье качнулись привычные чётки. Их тихий перестук был единственным звуком, нарушавшим тишину.

— Что хорошего в одиночестве? Скучно до смерти.

— ...

— Прямо сейчас всё идеально. Ты так не думаешь?

Он постучал тупым кончиком пальца по грязной поверхности стола. Когда-то она, должно быть, была ослепительно-белой, а теперь превратилась в холст, испещрённый тусклыми пятнами и грязью.

— ...Ага.

Он был прав. Я наконец начал вписываться в класс. Люди всё ещё шептались за спиной о «маменькином сынке Кан Джуне», но никто больше не смел говорить это в лицо. Им Юнки и Пак Хаон снова начали со мной разговаривать. Даже Шин Джэхен снова заговорил со мной.

Стоп.

Шин Джэхен.

Если подумать... не начал ли он разговаривать со мной как раз тогда, когда Ёхан начал разыгрывать этот спектакль «мы помирились»?

— ...Не может быть.

Я повернул голову обратно туда, где исчез Шин Джэхен.

И тут до меня дошло.

Значит, он всё-таки сбежал, как только увидел приближающегося Ёхана.

Пустое разочарование защемило в груди. Похоже, святых в этом мире не существует. Даже у самых добрых есть инстинкт самосохранения.

Внезапный щелчок - резкий звук от столкновения пальцев - вернул меня к реальности. Мои затуманенные мысли прояснились, когда я перевёл взгляд на Ёхана.

Вот он, подавшись вперёд, ухмыляющийся, как дурак, его лицо заполнило всё моё поле зрения.

— Джун-а?

В бледной дымке, застилавшей мой разум, только Ёхан оставался чётким, ярким и неоспоримым.

В этом был талант Ёхана. Он знал, как выделиться. Он не выносил, когда его игнорировали, особенно те, о ком он заботился. Если он не был центром внимания, он разваливался на части, становясь отчаянным, жалким и тёмным.

И наблюдать, как он так извивается... было приятно.

Потому что я был его маленькой канарейкой в клетке.

Большинство людей умоляли бы о свободе из этой тюрьмы. Но я? Я решил быть довольным.

Потому что я знал. Я знал, что там, снаружи этой клетки.

Я знал, каково это - быть раздавленным тяжестью презрения и одиночества.

И я знал, что лучше сгнить в этой клетке, чем потерять ту силу, которую давал мне Ёхан.

Да. Теперь я понял. Сила, которая у меня была до сих пор, была не моей - это была сила летучей мыши. Не хищника. Не правителя.

Паразита.

А Го Ёхан?

Он видел меня насквозь.

— ...Ничего.

Если так, то я буду петь сладкие песни для моего хозяина нужной тональностью, идеальной мелодией. Достаточно близко к другу, чтобы это казалось знакомым. Но никогда достаточно близко, чтобы угрожать его правлению.

Мои глаза встретились с глазами Ёхана, я заметил, как дёрнулась его бровь. Он ждал.

— Я просто... думал.

— Думал?

— Да. Просто...

Мой взгляд метнулся, и вместе с ним мои губы, к его уху.

Я хотел, чтобы Ёхан кое-что вспомнил.

Что я тоже сын бизнесмена. И тоже умею играть.

— ...О тебе.

Не ложь. Не совсем.

Лёгкий румянец проступил на кончике его уха, чуть слабый, но неоспоримый. Он залил краской его бледную, почти прозрачную кожу, и это было... красиво. В своей уязвимости.

На долю секунды безупречная самоуверенность Го Ёхана дала трещину. Его рука взметнулась в быстром, небрежном жесте, взъерошивая волосы, чтобы скрыть этот предательский румянец.

Я почувствовал, как уголки моих губ изогнулись в улыбке.

Каким же дураком я был, думая, что тот, кто краснеет первым, проигрывает.

Любовь делает тебя слабым? Возможно.

Но не меня.

— ...Кхм.

Он прокашлялся, редкий сбой в его ритме, и затем тяжело опустился на стул рядом со мной. Пластиковое сиденье зашаталось под внезапным весом, слегка подбросив меня.

Дешёвая школа. Никогда не меняют эти паршивые стулья. Может, стоило пойти в частную школу.

Я опустил взгляд на бедро Ёхана.

Его нога.

Она дрожала.

— Сейчас звонок будет. Пойдём наверх?

Его голос едва заметно дрожал.

Всё ещё глядя на его ногу, я ответил:

— Да, пошли.

Как только я согласился, я почувствовал, как длинная рука легла мне на плечо. Холодная кожа обвилась вокруг шеи, острая и ледяная, словно меня настил зимний сквозняк. Запах Го Ёхана наполнил мои лёгкие.

Птица в клетке.

Вот что я подумал, пойманный в кольцо его руки.

Но затем мои мысли метнулись обратно к Шин Джэхену. И в это мгновение я понял его ошибку.

Моё тело напряглось от внезапного осознания, и, конечно, Го Ёхан уловил это мгновенно.

— Что? — спросил он.

— А? О, ничего. Просто... кое-что вспомнил, — ответил я.

— Что именно?

Его рука, скользнувшая ниже из нашего небрежного полуобъятия, легко стукнула меня по груди. Игриво, непринуждённо, так естественно, что я не мог понять, шутка это или проверка.

Снова изогнув губы в улыбке, я ответил:

— Просто... думал, что нам давно пора возвращаться в класс.

Полная чушь. Мои мысли были о Шин Джэхене.

Джэхен уходил от моих вопросов как профессионал. Но его слова, сложенные вместе, не оставляли места сомнениям.

Значит, он всё-таки говорил гадости про Го Ёхана.

Подождите... Так мой блеф...

Это была правда?

Осознание ударило сильнее, чем я ожидал: я забросил куда более крупную наживку, чем знал. И она поймала нечто настоящее. Шин Джэхен, который всегда казался таким безопасным, таким нейтральным, он тоже был частью этой игры.

Это мерзкое серое здание было не чем иным, как тенистой тюрьмой, где правили предательство и взаимные удары в спину. Библия говорит, что люди страдают на этой земле в наказание за свои грехи. Тогда старшекласники не что иное, как рецидивисты, тупые, нераскаявшиеся ублюдки. Особенно бедные, невежественные. Без всякого здравого смысла.

И если бы мне пришлось составить рейтинг самых тупых мудаков в моей жизни:

Первый - Хан Джун У.

Второй - Го Ёхан.

Третий - Ким Минхо.

Да, Ким Минхо заслуживает своего места. Даже в окружении таких, как Ёхан, он умудрялся быть заметным в своей жалкой, отчаянной никчёмности.

Когда я обедал с Го Ёханом, определённая стая всегда маячила рядом, в основном Ким Сокмин и Ли Сокхён. Иногда присоединялись Ким Минхо и Пак Дончоль.

Ёхан не врал, когда говорил, что ест с теми, кто окажется рядом. Но, согласитесь, люди вокруг него всегда были одни и те же. Очевидно же. Единственная причина, по которой я не понял этого раньше: я не ожидал, что они будут такими бесстыжими, кончеными неудачниками.

Особенно Ким Минхо и Пак Дончоль. Они жалкие. Неужели одобрение Го Ёхана настолько для них драгоценно?

Но затем я понял...

Чем, чёрт возьми, я отличаюсь от них?

Я тоже приполз обратно к Ёхану.

Ненависть к себе ударила, как кирпичом по голове. Так, что же, люди видят меня таким же ничтожеством, как Ким Минхо и Пак Дончоль? Та же жалкая, отчаянная погоня за благосклонностью? Те же молящие глаза?

— Эй, Кан Джун!

Легко на помине. Пак Дончоль поприветствовал меня неловкой ухмылкой и помахал рукой, как старый приятель.

Я застыл, слегка приоткрыв рот от шока.

С ума сойти. Неужели я действительно такой же, как этот парень? Неужели я тоже смотрю на Ёхана с таким же отчаянием во взгляде?

Прежде чем я успел осознать весь ужас, Ким Минхо скользнул на стул рядом со мной.

Какого чёрта он здесь делает?

— Ёхан, ты, мудака, вечно уходишь один. Тебя реально трудно найти.

Это был не случайный выбор места. Нет, он хотел сидеть именно здесь. Он обогнул стол, чтобы приземлиться рядом со мной, прямо напротив Ёхана, словно мы были частью одной компании. Словно мы были друзьями.

И затем...

— Бля, тут столько кимчи. Ты видишь это дерьмо? — пожаловался он непринуждённо, как другу.

Подождите-ка, разве это не тот самый Ким Минхо, которого Ёхан недавно публично унизил? И теперь он снова прицепился, прилип как кусок дерьма к подошве. Неужели гордость для него пустой звук?

Так что, они с Ким Сокмином просто решили притвориться, что конфликта не было?

— ...Ага. Много, — выдавил я, заставляя лицо сохранять нейтральное выражение.

Нет. Чёрта с два. Минхо из тех, кто никогда ничего не забывает. Такие, как он, помнят каждую обиду, каждый взгляд, каждое слово. Они выжидают годами, чтобы нанести ответный удар.

И тем не менее вот он, ведёт себя так, будто ничего не случилось. Будто Ёхан не вытирал об

него ноги.

Со скрежетом металла по плитке Минхо подвинул стул, пронзительный звук разрезал воздух.

— Эй, тебе не кажется, что кимчи здесь на вкус как металл? Какой-то странный резкий привкус.

— Наверное, потому что оно импортное, — ответил Ким Сокмин с другой стороны Ёхана, набивая рот рисом. — Думаешь, директор тратит деньги на местные продукты? Нет. Всё в моём кармане, прямиком в его кошелёк.

Типичный Сокмин, вечно миротворец, вечно пытается сгладить острые углы своей дурацкой болтовнёй.

— Сокмин, ты, высокомерный идиот. Что за английское дерьмо? «В моём кармане»? Говори по-корейски, тупица.

— Это значит, что он кладёт деньги себе в карман, безграмотный ты дебил.

— Чего? Безграмотный? Хочешь сравнить наши оценки, мать твою?

Комок размятого риса вылетел изо рта Минхо и с влажным шлепком приземлился на стол. Моё лицо исказилось от отвращения. Мерзость.

Но вместо того чтобы реагировать, я оглядел стол - их позиции, их расстояния.

То, где сидят люди, говорит обо всём.

Го Ёхан развалился так, будто владел этой комнатой, рука на спинке стула, одна рука лениво играет с палочками для еды. И не напрягаясь, он протянул руку и украл сосиску прямо с подноса Ким Сокмина.

— Эй! Ёхан, какого чёрта? — рявкнул Сокмин.

— Ты её не ел, — гладко ответил Ёхан, сверкнув зубами в усмешке. — Подумал, раз не хочешь, я заберу.

Его острые, хищные глаза метнулись к сосиске Ли Сокхёна.

— Эй! Какого чёрта, я не говорил, что ты можешь её взять! — рявкнул Сокхён.

Ухмылка Ёхана стала шире.

— Если хотел, надо было есть быстрее. Поздно пить боржоми, когда почки отказали.

— Жадина. Ты только сосиски и ешь. Ворюга.

— Ненавижу коричневый рис, — просто сказал Ёхан, одним движением подхватывая сосиску Сокхёна. И, не останавливаясь, его палочки снова метнулись к подносу Сокмина.

— Господи, мы что, на шведском столе, — проворчал Сокмин сквозь зубы, проклиная ловкость Ёхана, пытаясь безуспешно защитить свою тарелку.

С ухмылкой Ёхан схватил Сокмина за запястье и вывернул его назад, заставив взвизгнуть.

— Ай! Чёрт, больно!

— Так не суй свою грязную руку мне в лицо, тупица, — поддразнил Ёхан, его голос был приторным.

— Мою руку? Ты даже к рису не притронулся. О каком аппетите ты вообще говоришь?

И тут...

Ёхан выкинул самый подлый номер за весь день.

— О? Ты прав.

Его улыбка заострилась. И без предупреждения...

Ёхан зачерпнул комок своего нетронутого, слипшегося риса...

И швырнул его на поднос Ким Минхо.

Тяжёлый, влажный шлепок раздался, когда рис врезался в обед Минхо, разлетаясь повсюду, как грёбаная граната.

Долгая, натянутая тишина.

— Чёрт. Выглядит неплохо. Даже идёт твоему подносу, тебе не кажется? — сказал Ёхан, его

усмешка была остра, как бритва.

— Ты, сукин сын!

Крик Минхо разорвал паузу. Удар риза разбросал суп по столу, горячие капли попали мне на руку.

Я отдернул руку, горячий бульон капал с кожи. Мои глаза метнулись к Ёхану, лицо исказилось в раздражённом протесте.

Но он даже не смотрел на меня.

Он, едва взглянул в мою сторону, прежде чем повернуться обратно к Минхо, его голос был мягким, но пропитанным ядом:

— Приятного аппетита, Минхо. А?

— Ты... ты, грёбанный кусок дерьма — голос Минхо сорвался на кипящий хрип, проклятия вылетали спутанным рычанием. — Ты хочешь сдохнуть, ты...

— Минхо, — вмешался Ким Сокмин, голос небрежный, почти насмешливый.

— ...Что? — прошипел Минхо.

— Заткнись. Будь паинькой.

<http://bllate.org/book/12586/1602605>